

НАШ ОГОРОД

Эх, жаль, вы не знаете нашего огорода! Не знаете, какой он бывает летом. Чего только здесь не растёт.

Хотите взглянуть? Хотеть-то, конечно, одно, да попробуйте-ка перелезть через изгородь. А крапивник-то для чего, думаете? Думаете, ему уж больно нравится расти вдоль гнилых плетней? У-у, какие листья! А вышина!.. Но страшнее всего эти колючие иголочки, которые так и искрятся по стволу. Аж дрожь берёт. Пацаны нашего аила потому-то крапиву и ненавидят. Чем попало в неё кидают и даже плюют, а порой и плачут от неё. В поликлинике, бывает, сделают укол – больно, да ведь один, – и то некоторые за мамыны юбки прячутся. А вот попробуйте перелезть в наш огород! Сразу получите десять, двадцать, а то и все пятьдесят уколов.

Поэтому наш огород никому не доступен. А мне что, я – хозяин. Захочу – вхожу, захочу – выхожу. Даже могу морковки отведать. Но только не при маме.

Начнёшь хвостик морковки теревить, любуешься, какая большая выросла, а мама: «Зачем трогаешь? Без тебя не обойдётся?»

Если мне что нравится, могу об этом говорить сто, двести, тысячу раз. Поэтому еще раз повторяю, что кроме нас в огород никто не заходит. Разве когда чужая курица забре-

дёт. А зачем трогать курицу? Может, яйцо хочет снести. Может, в обед яичницу зажарим. Наверно, эта курица набедакурила дома и хозяин прогнал её. А сейчас к нам пришла жаловаться, обиду излить. Ну и пусть жалуется, пусть кудахчет, мне-то что! А мама, услышав кудахтанье, говорит мне:

– Астам, ты это почему на грядки поглядываешь? Лучше следи вон за той курицей. Наверно, яйцо хочет снести.

– А может, не хочет. Откуда вы знаете, мама?

- Слышишь, как жалобно кудахтает. Я по её голосу всё пони-
маю. А ты, Астам, не болтайся на грядках, уж больно нежно на них поглядываешь. Знаю, откуда эти нежности.

– Мама, если я начну кудахтать? Может, я тоже...

– Что-что? Повтори, что сказал.

– Нет, мама, я больше не буду. Эх, мама, мама! Просто ниче-
го нельзя спросить. Уж лучше, тихо-тихо посвистывая, лежать в
картофельной ботве и думать, мечтать о чём-нибудь. Про чёрную
смородину думать ещё рановато. А про малину вовсе не следует
думать, вообще-то, чего тут скрывать, иногда малина даже снится
мне. Во сне ягоды такие крупные, такие красные. А я стою на коло-
дине и самую чуточку до них не достаю. Тянусь, тянусь и вот-вот
схвачу, и вдруг... бах! Думаете, так легко достать? Плачу. Упал не
с колодины, а с койки, прямо на пол...

Лучше ни о чём не думать. Когда много думаешь про всякое та-
кое, почему-то голова начинает болеть и ещё вдобавок набирается
полный рот слюны. Лучше буду петь, я знаю одну хорошую песен-
ку:

Ой, ой, о-ой, малиночка моя.

Ай, ай, а-ай, алтаечка моя...

Но тут что-то уж очень громко закудахтали та самая курица. Бегу

туда. Откуда ни возьмись, наш белый петух мчится с другой сторо-
ны. Этот чёртов петух так неожиданно налетел, чуть мне ноги не
переломал. Вы, наверно, видели, как лягаются лошади. Точно так
же и петух лягнул меня по ноге. Да ещё крыльями бьёт по голове,
по лицу. Не помню, что было потом. Вижу только, лежу под карто-
фельной ботвой. Думал, без ноги остался, а лишь маленькая цара-
пинка. Обрадовался. Тут и мама прибежала; вытирая кровь с моей
ноги, говорит: «Ладно, петушок. Ты маленького моего обижаешь.
Ладно, ладно! Астам, как вырастет наша картошка с твоей кулак,
мы из этого драчуна сварим суп. Смотри-ка, что наделал с моим
маленьким. Так это тебе не пройдёт. Ладно, петушок, ладно!»

Все мои одногодки давно уже копны возят, а я? А я не смогу, что
ли? А мама говорит: «Астам, ты лучше свой огород покарауль. Ты
же не сможешь конём управлять. С какой стороны к нему подойти,
не знаешь». Что за слова? Разве лошадь умнее человека? Начисто-
ту разобраться, есть ли ум-то у скотины.

...Дождливый день, и я не выхожу на улицу. Думаете, я боюсь
ливня или грозы? Чепуха! Знаете, почему не выхожу? Вернутся из
бригады мои однокашники и начнут хвастать передо мной. При-
везут шишек кедровых, хотя они ещё не успели, или кислицу, ко-
торую есть невозможно – одна горечь. Что поделаешь: раз товари-
щи угощают, хоть плачь, хоть смейся, а ешь. Оны, как взрослые,
работают, ночуют в тайге и знают названия местностей: Сай-Кечу,
Келдю-Арт, Кызыл-Дьок, Кара-Таш. Такие красивые названия! А
может, их и на белом свете нет, придумали?

Лежу под шубой, сначала холодно – дрожу, а потом пригрелся,
начинаю дремать. И будто мой сон идёт около соседа Дьябыса. По-
том по нашему огороду. И под конец сворачивает за угол коровни-
ка, и я просыпаюсь.

Оказывается, солнце раньше меня проснулось и давно смотрит через дырки нашего аила. Мама заходит и говорит:

- От вчерашнего дождя огород аж трещит.
- А как трещит, мама? Эх, такое бы ухо мне!
- Чего-чего?
- Меняют же люди ведро картошки на старые валенки.
- Ты чего городишь? Не проснулся еще?

Эх, мама, мама! Шуток не понимает. Если подумать, холодна, сурова, а почему же иногда пустякам радуется? Ну, картошка начинает цвести, ну и пусть себе цветёт! А мама, увидев это, взрослый человек-то, радуется, как маленькая.

Меня и сестру радует только осень. Я вообще люблю эту пору. Знаете, почему? Я люблю копать картошку, но и не против того, чтобы зажарить её с луком.

Картошка бывает разных сортов. Первый сорт – картошки-быки, второй сорт – ягнята. Бывало, мы отдыхаем около кучки, а мама о чём-нибудь рассказывает. А картошки-быки как будто тоже разбираются в наших делах, прищурив крохотные глазки, слушают мамин рассказ. А картошки-ягнята, кажется, резвятся и играя, падали вниз головой и из кучки торчат только их хвостики.

Мама никогда не разрешает копать картошку железной лопатой. Она делает маленькие деревянные копарульки. Потихоньку, медленно открываем лунку. Смотрим, одна картошка щурится, собралась улыбнуться, потом вторая, третья, и так с одной лунки полведра. То-то сам улыбнёшься. Разве только ничего хорошего не увидевший человек не улыбнётся.

Эх, лучше нет нашего огорода осенью! После дождя там земля теплее. Хоть ходи босиком, хоть кувыркайся на картофельной ботве и пой ту песенку:

Ой, ой, о-ой, малиночка моя.

Ай, ай, а-ай, алтаечка моя...

Выпал первый снег. Зима! Ну и пусть зима. А в нашей избушке тепло... Мама говорит, что наша избушка, как курица во время насиживания. Запрячет под себя картошку и до весны высидивает.

Смотришь, у порога одни и те же следы: мамы, сестры и нашей бурёнушки, а больше никаких следов. Было бы лето... Нет, было бы во что обуться, хоть убейте, я бы тут не сидел. Но что делаешь. Долго-долго сижу у окна. Смотрю на снег, на этот белый холодный снег...

Скучно всё же. Мама на работе, старшая сестра Дьяйылгак в школе. Скоро, наверно, придут. Чем бы мне их обрадовать, чем? Ага, выбираю картошку-быков. Из одного вырезал такого беленького, такого сытого поросёнка и начал жарить на плите. Думаете, вышел поросёнок? Э-э, не угадали. Вместо жареного поросёнка вышел шупленький красный телёнок. Точь-в-точь наш телёнок. После этого я изжарил много-много ягнят или даже пять или шесть танков, самолётов. И вдруг дверь отворяется, вижу, заходит мама.

– Ты чего делаешь?

Только хотел обрадовать маму своими самолётами, но не тут-то было. Засвистел ремень. Я кричу: «Мама, мама, я не хочу свинины! Не буду портить картошку!»

Мама меня прогнала за дверь. Дрожу. Босиком с ноги на ногу качаюсь. Может, чуть-чуть приоткрыть дверь? Может, мама совсем забыла про меня? В последнее время она забывчивая стала. Ой, скрипнула дверь, сестра берёт меня за руку и ведёт в избу. Мама даже головы не подняла, что-то шьёт.

Эх, мама, мама! А бывало же, как меня ласкала, говорила, мол, я её последняя и единственная радость. А сейчас мне хочется ска-

зять ей: «Мама, твоя единственная радость совсем-совсем продрогла, плачет. Хоть взглянула бы на неё, мама!»

Во сне целая охапка сена навалилась на меня. Нет, это, оказывается, мамины волосы. К моим щекам прильнуло что-то ледяное. Нет, это мамина щека. Да я ведь знал же, знал. Мама меня целует, ласкает, а я, вспомнив вчерашнюю обиду, тихо плачу.

Уже утро. Оказывается, мама, накормив бурёнушку, только что вошла. Эх, умеет же моя мама ласкать:

– Я своего ягнёночка никогда больше не буду ругать. На следующий год своему маленькому сошью из чего-нибудь обувь. Мой Астамчик будет кататься, будет ходить по снегу. Картошки нашей совсем-совсем мало осталось. Не надо, мой маленький, портить картошку. Я же тебя нашла в горах. В дождливый день пасла овец и слышу плач. Прибежала и вижу: под скалой лежит маленький-маленький, такой хорошенький мальчик и плачет – это был ты, Астам. Чтобы не съели лисицы или зайцы такого черноглазого, хорошего мальчика, я тебя положила за пазуху и принесла домой. Ну, ничего. Скоро мой сын станет большим-большим. Отец вернётся, наверно, удивится, обрадуется своему сыну!

– Мама, а где папа?

– Твой папа? Твой папа далеко-далеко, даже дальше Горно-Алтайска, дальше Барнаула. Есть такой людоед – немец-фашист, который съедает таких малышей, как ты. Вот с ним-то твой отец и дерётся.

– Эх, хоть раз посмотреть бы, что за город Горно-Алтайск. Наверно, там много машин, самолёты есть. Эх, побывать бы!

После всего мама говорит сестре:

– Ты, Дьяйылгак, принеси из коровника лопату. Вчерашние следы Астама у порога уже застыли. Иди-ка принеси лопату и выскобли... Когда же я увижу своего маленького большим-большим! Когда же я выращу моего черноглазого...

Слыхали вы, слыхали, что говорит мама? А вы-то, наверно, думали, что моя мама строга, даже сурова. Я до сих пор не встречал такого человека, как моя мама. Я до сих пор не видел такого богатого огорода, как наш огород.

И сейчас, когда глаза закрываю, вижу: наш огород весь в цвету и пахнет мёдом и малиной. И какие-то летние бабочки летают над нашим огородом...

ЦВЕТЫ МИГАЮТ

Мы сидим на пригорке, щурим глаза и смотрим на солнце. Солнце передразнивает нас. Тоже щурится. У него длинные золотистые ресницы. Они почти касаются наших лиц. Хорошо так. Со всех сторон нас обступают цветы, просятся к нам на колени. А мы сидим, молчим. Смотрим. Цветы, цветы. Кукует кукушка. Хорошо... Мы – это я и мой братишка. Вдруг он вскочил.

– погоди! куда ты?

– смотри, вон там, кажется, цветы мигают.

И вправду: на красном цветке – красная, на белом – белая, на синем – голубая бабочка. Живые бабочки. И крылышки их дрожат, медленно-медленно складываются, тихо-тихо опускаются. Будто цветы мигают. Мы застыли. Ведь мы видим настоящую сказку: только в сказке цветы мигают.

Значит, мы попали в сказку!

ВОТ ВЕРНЁТСЯ ОТЕЦ

Кончилась война... Один по одному стали возвращаться фронтовики. Их появление в селе нам казалось праздником.

Видеть отцов моих товарищей мне раньше не приходилось. И поэтому я во все глаза смотрел на каждого. Начищенные сапоги, медали на груди рядами... Бывало, сделает солдат резкое движение – медали так и зазвенят. А улыбнётся – лицо сияет, как солнце.

Мысленно я представлял своего отца таким же. Мама всё время говорила, что и он скоро вернётся. Взявшись за руки, мы пройдем по селу, как мои товарищи ходят со своими отцами. Но отец почему-то не возвращался...

Как-то утром мы с мамой пили чай. Зашёл дядя Терзен и сказал: – Есть слухи, что в район приехал какой-то солдат и он просил вас приехать за ним.

Мама, услышав такую весть, надолго задумалась. Даже забыла о чае. В тот же день, выпросив у председателя коня, собралась в путь. Перед отъездом сказала:

– Может быть, это не твой отец, а какой-нибудь... чужой дядя...

На прощанье виноватыми глазами посмотрела на меня, дымя трубкой, поехала.

В школе я похвастался товарищам:

– Отец приехал, в районе ожидает.

Те, которые недавно не давали мне поиграть на гармони, сегодня сами предлагали. Но всё равно одни говорили: «Не так играй», другие кричали, что совсем играть не умею. Ровесники учат меня! Я злился. Чтобы не показать обиды, сказал:

– Гармонь – чепуха. Посмотрите, что мой отец привезёт.

Я показал большой палец и проговорил «Во!»

Кончились уроки. Мы с товарищами побежали к нам домой.

За столом сидел человек, он был в солдатской гимнастёрке, и на груди блестели медали. «Наверно, отец» – подумал я. Я ведь никогда его прежде не видел. Я подался к маме, но она сказала:

– Ну, поздоровайся с дядей! Это старший брат твоего отца.

Дядя, посадив меня к себе на колени, приласкал. Только на душе было холодно почему-то. И не мог я смотреть на своих друзей, которые стояли у двери.

После этого, когда говорили, что с фронта приехал какой-то солдат, я уже молчал. Но ждал его с нетерпением.

...Я до сих пор жду отца. Да его всё нет и нет...

